

СТИВЕН КИНГ

БУДЕТ КРОВЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

К41

Серия «Эксклюзивная классика»

Stephen King

IF IT BLEEDS

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Будет кровь : [сборник : перевод с английского] / Стивен Кинг. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 608 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-170242-7

Стивен Кинг — писатель, любящий традиции. И одна из самых почитаемых миллионами его фанатов традиций — это публикация сборников, состоящих из четырех повестей.

«Будет кровь» — именно такой сборник, где каждое произведение погружает нас в свою неповторимую и загадочную атмосферу.

В заглавной повести «Будет кровь» полюбившаяся многим героиня «Чужака» и трилогии «Мистер Мерседес» Холли Гибни после ужасного взрыва в школе понимает, что в мире существуют и другие монстры, подобные чужаку, но на этот раз ей предстоит встретиться со Злом один на один.

«Телефон мистера Харригана» — трогательная история дружбы мальчика и пожилого миллионера.

В повести «Жизнь Чака» Мастер размышляет о значимости человеческой жизни.

Финальная новелла «Крыса» повествует о сделке, заключенной между писателем и весьма необычным существом.

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Stephen King, 2020

ISBN 978-5-17-170242-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Памяти Расса Дорра
Мне тебя не хватает, шеф

Телефон мистера Харригана

Городок, где я родился и вырос, был по сути большой деревней с населением примерно в шестьсот человек (и таким и остался, просто я оттуда уехал), но у нас был Интернет, как в больших городах, и мы с папой получали все меньше и меньше бумажной почты. Обычно наш почтальон, мистер Недью, приносил только еженедельный «Тайм», рекламные листовки с обращением «Жильцу» или «Нашим милым соседям» и ежемесячные счета. Но начиная с 2004 года, когда мне исполнилось девять и я начал работать на мистера Харригана в доме на холме, я мог рассчитывать как минимум на четыре конверта в год, подписанных от руки и адресованных лично мне. Четыре открытки: на День святого Валентина в феврале, на мой день рождения в сентябре, на День благодарения в ноябре и на Рождество в декабре, либо перед самым праздником, либо сразу после. В каждую открытку был вложен долларовый билет моментальной лотереи штата Мэн, и подпись всегда была одной и той же: *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана*. Вот так незатейливо и официально.

Реакция папы тоже всегда оставалась одной и той же: он добродушно смеялся, закатив глаза.

— Какой же он жмот, — сказал папа однажды. Мне тогда было одиннадцать лет, и открытки с лотерейными билетами приходили уже года два. — Платит тебе за работу гроши, а премиальные выдает билетами «Везунчика», которые в «Хоуи» раздают бесплатно в придачу к покупке.

Я ответил, что хотя бы один из четырех ежегодных билетов обычно выигрывал пару долларов. Когда это случалось, выигрыш за меня забирал папа, потому что несовершеннолетним не разрешалось играть в лотерею, пусть даже билеты иногда раздавали бесплатно. Однажды мне повезло по-крупному, и я выиграл целых пять долларов. Я попросил папу купить на них пять лотерейных билетов по доллару. Он отказался, заявив, что не станет потакать моей тяге к азартным играм, иначе мама перевернется в могиле.

— Хватит нам и того, что это делает мистер Харриган, — сказал он. — К тому же он мог бы платить тебе по *семь* долларов в час. А то и все восемь. Уж он-то может себе это позволить. Пять долларов в час — это, может, и законно, поскольку ты еще ребенок, но смахивает на эксплуатацию детского труда.

— Мне нравится у него работать, — возразил я. — И *он сам* мне нравится, пап.

— Это понятно, — ответил папа. — И хотя то, что ты читаешь ему книжки вслух и поливаешь цветы на клумбах, не делает тебя Оливером Твистом двадцать первого века, но он все равно жмот, каких поискать. Меня удивляет, что он тратится на мар-

ки, чтобы отправлять открытки по почте, хотя живет в четверти мили от нас.

Мы сидели на нашей открытой веранде и пили «Спрайт». Папа показал пальцем на дорогу (грунтовку, как большинство улиц в Харлоу), ведущую на вершину холма, к дому мистера Харригана. Это был даже не дом, а настоящий особняк, с закрытым бассейном, зимним садом, стеклянным лифтом, на котором я *обожал* ездить вверх-вниз, и теплицей на заднем дворе, разбитой в том месте, где раньше располагалась маслобойня (я тогда еще даже и не родился, но папа ее помнил).

— Ты же знаешь, какой у него артрит, — сказал я. — Теперь он иногда ходит не с одной палочкой, а с двумя. Прогулка в четверть мили его убьет.

— Ты все равно к нему ходишь почти каждый день. Он мог бы вручать тебе эти дурацкие открытки лично в руки, — проворчал папа. В его словах не было злобы; он просто дразнил меня. Они с мистером Харриганом прекрасно ладили. Папа ладил со всеми в Харлоу. Наверное, поэтому он и был таким хорошим торговым агентом.

— Это будет уже не то, — сказал я.

— Почему?

Я не мог объяснить. У меня был обширный словарный запас (благодаря тому, что я много читал), но скудный жизненный опыт. Мне просто нравилось получать эти открытки по почте, ждать их с нетерпением, стирать защитный слой с лотерейных билетов — я всегда соскребал его моей «счастливой монеткой» в десять центов. Мне нравилась подпись, нравился старомодный витиеватый почерк: *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана*. Те-

перь, уже задним числом, мне на ум приходит слово «церемонный». В его поведении действительно было что-то церемонное. Он непременно повязывал тонкий черный галстук, когда мы с ним ездили в «Ай-Джи-Эй» за продуктами, хотя он обычно сидел в машине, за рулем своего старого, практически «форда», и читал «Файнэншл таймс», пока я ходил в магазин, чтобы купить все по списку. В этом списке неизменно присутствовали хэш из солонины и дюжина яиц. Мистер Харриган утверждал, что, достигнув определенного возраста, человек вполне может прожить только на яйцах и солонине. Когда я спросил, какого именно возраста, он ответил: шестидесяти восьми лет.

— Когда человеку исполняется шестьдесят семь, ему уже не нужны витамины.

— Правда?

— Нет. Я говорю это лишь для того, чтобы оправдать свои дурные привычки в еде. Ты же вроде заказывал спутниковый радиоприемник для этой машины, Крейг?

— Да.

Я заказал этот приемник из дома, с папиного компьютера, потому что у мистера Харригана компьютера не было.

— Ну, и где же прием? Я каждый раз попадаю на этого пустозвона Лимбо.

Я показал ему, как переключиться на спутниковый диапазон. Он вертел ручку настройки, «пролистав» сотню каналов, пока не нашел станцию, специализирующуюся на кантри. Там играла песня «Stand By Your Man».

От этой песни меня до сих пор пробирает дрожь, и, наверное, так будет всегда.

В тот день, на одиннадцатом году моей жизни, когда мы с папой сидели у нас на веранде, пили «Спрайт» и смотрели на большой дом на холме (все жители Харлоу именно так его и называли; а иногда еще, в шутку, казенным домом, словно это была тюрьма Шоушенк), я сказал:

— «Черепашья» почта — это круто.

Папа закатил глаза.

— *Электронная* почта, вот что действительно круто. И мобильные телефоны. Мне они кажутся чудом. Ты молодой, не поймешь. Если бы ты вырос со спаренным телефоном на пять домов — включая дом миссис Эдельсон, которая болтала часами, — ты бы почувствовал разницу.

— Пап, а когда мы купим мне мобильный телефон?

Этот вопрос в последний год я задавал ему постоянно, особенно после того, как в продажу поступили первые айфоны.

— Когда я решу, что ты уже достаточно взрослый.

Теперь уже я закатил глаза, и папа рассмеялся. Но потом вдруг посерьезнел.

— Ты вообще представляешь, насколько богат Джон Харриган?

Я пожал плечами.

— Я знаю, что раньше он владел какими-то заводами.

— Не только заводами. Пока Джон Харриган не ушел на покой, он был большой шишкой в концер-

не «Оук энтерпрайз». Концерну принадлежала су-
ходоходная линия, несколько крупных торговых цен-
тров, сеть кинотеатров, телекоммуникационная
компания и еще много всего. Среди игроков «боль-
шого табло» «Оук энтерпрайз» был одним из круп-
нейших.

— Что такое «большое табло»?

— Фондовая биржа. Азартные игры богатых лю-
дей. Когда Харриган продал свои активы, об этой
сделке писали в «Нью-Йорк таймс», и не просто
в бизнес-разделе, а на первой странице. Этот деду-
ля, который ездит на шестилетнем «форде», живет
в нашей дремучей глуши, платит тебе пять долла-
ров в час и четырежды в год дарит по лотерейному
билету ценой в один доллар, сидит на денежном
мешке, а в мешке уж точно не меньше миллиарда
долларов. — Папа улыбнулся. — И мой самый
страшный костюм, который наверняка ужаснул бы
твою маму, будь она жива... Так вот, даже это убо-
жество лучше, чем тот костюм, который он носит
в церковь.

Это была интересная информация. Особенно
меня поразила мысль, что мистер Харриган, у ко-
торого нет ни компьютера, ни телевизора, когда-то
владел телекоммуникационной компанией и сетью
кинотеатров. Я мог бы поклясться, что он ни разу
в жизни не был в кинотеатре. Он был из тех, кого
мой отец называл луддитами, имея в виду людей,
которые (помимо прочего) не признают современ-
ные гаджеты. Спутниковое радио для машины было
единственным исключением, потому что мистер
Харриган любил музыку кантри и его бесила рекла-
ма на Дабл-ю-оу-экс-оу, единственной радиостан-

ции кантри и вестерна, которую ловил его старый приемник.

— Ты знаешь, что такое миллиард, Крейг?

— Сто миллионов?

— Бери выше. *Тысяча* миллионов.

— Ого! — сказал я, но лишь потому, что тут пришлось «ого». Я мог представить себе пять баксов и даже пятьсот: именно столько стоил подержанный мотороллер на распродаже на Дип-Кат-роуд, о котором я грезил в мечтах (ведь мечтать не вредно). Теоретически я мог представить себе пять тысяч долларов. Примерно столько мой папа получал в месяц как торговый агент фирмы «Пармело: трактора и тяжелая техника» в Гейтс-Фоллзе. Папина фотография постоянно висела на доске почета в рубрике «Лучший менеджер по продажам за прошлый месяц». Он говорил, что это ерунда, но я знал: ему приятно. Каждый раз, когда его объявляли лучшим торговым агентом месяца, мы с ним ужинали в «Марселе», дорогим ресторане французской кухни в Касл-Роке.

— «Ого» — это верно замечено, — сказал папа и поднял стакан со «Спрайтом», салютуя дому на холме, дому с множеством комнат, большинство из которых практически не использовались, и стеклянным лифтом, который мистер Харриган ненавидел, но которым был вынужден пользоваться из-за артрита и ишиаса. — Чертовски верно.

Прежде чем рассказать о своем крупном выигрыше в лотерею, о смерти мистера Харригана и о проблемах с Кенни Янко, начавшихся в первый же день в новой школе в Гейтс-Фоллзе, я расскажу,

как вообще получилось, что я стал работать на мистера Харригана. Мы с папой ходили в Первую методистскую церковь Харлоу, на самом деле *единственную* методистскую церковь у нас в городке. В Харлоу была еще и баптистская церковь, но она сгорела в 1996-м.

— Кто-то запустил фейерверк, чтобы отпраздновать рождение ребенка, — сказал папа. Мне тогда было года четыре, но я это запомнил. Может быть, потому, что меня очень интересовали фейерверки. — Мы с мамой решили, что пошло оно все к чертям, и спалили *целую церковь* в твою честь, Крейгстер. Полыхало, надо сказать, изрядно.

— Не надо так говорить, — вмешалась мама. — А то он поверит и тоже спалит какую-нибудь церковь, когда у него самого родится ребенок.

Они часто дурачились и шутили, и я смеялся, хотя понимал далеко не все шутки.

В церковь мы ходили все вместе, втроем. Зимой у нас под ногами скрипел утопанный снег, летом из-под нарядных туфель летела пыль (прежде чем войти в церковь, мама всегда протирала обувь бумажной салфеткой), я шагал между мамой и папой, и они держали меня за руки, папа — слева, а мама — справа.

У меня была очень хорошая мама. Я по-прежнему жутко по ней скучал в 2004 году, когда начал работать на мистера Харригана, хотя тогда она была мертва уже три года. Я скучаю по ней и теперь, шестнадцать лет спустя, хотя ее лицо почти стерлось из памяти, и фотографии не помогают освежить воспоминания. Как поется в той песне о детях без матери, без нее очень плохо. И это правда.

Я любил папу, мы с ним всегда хорошо ладили, но, как опять же поется в той песне, папы многого не понимают. Им не придет в голову сплести венок из ромашек, собранных на лугу за домом, надеть его на тебя и сказать: сегодня ты не просто маленький мальчик, сегодня ты король Крейг. Или гордиться тобой, но при этом не делать из мухи слона — не хвастаться перед знакомыми и все такое, — когда ты в три года сам начинаешь читать комиксы про Супермена и Человека-паука. Или прийти к тебе в комнату посреди ночи и прилечь с тобой рядом, когда ты просыпаешься после кошмарного сна, в котором за тобой гнался Доктор Осьминог. Или обнять тебя и сказать: нет ничего страшного в том, что какой-то большой мальчишка — например, Кенни Янко — тебя побил.

Мне так не хватало ее объятий в тот день. Мамино объятие в тот день могло бы многое изменить.

Я научился читать в три года, но никогда не хвалился своим умением. И я искренне благодарен родителям за то, что они с малых лет научили меня одному важному правилу: если у тебя есть какой-то талант, это не значит, что ты чем-то лучше всех остальных. Однако слух разнесся по округе, как это всегда бывает в маленьких городках, и когда мне было восемь, преподобный Муни спросил, не хочу ли я почитать Библию на его проповеди в следующее воскресенье. Наверное, идея о восьмилетнем чтеце привлекла его своей новизной; обычно эта почетная обязанность доставалась кому-то из старшекласников или старшекласниц. В то воскресенье я читал отрывок из Евангелия от Марка, и после